

СОДЕРЖАНИЕ

Шестьдесят лет в строю	5
Брэдмур	7
Спутник.	45
Разрывающий завесы	63
Подвалы	81
Шрам	106
Чучело	135
Сначала нужно позвонить	152
Нейпир-Корт	160
Конец летнего дня	187
Слова, имеющие значение	198
Запаковано	214
Призыв	232
Мужчина в подземном переходе	254
Малыш.	275
Узор	304
Дымоход	336
Преображение	365
Выводок.	385
Макинтош Вилли.	407
Над миром.	434
Сеанс продолжается	451
Переправа	472
Глубины.	494
Внизу	530

Открытка	551
Примерка	561
Рука Провидения	582
Прозрение	602
Ещё	612
Любой каприз	630
Увидеть мир	648
Яблоки	659
Там, где сердце	674
Путеводитель	688
Приветландия	709

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ В СТРОЮ

Приветствую вас, понтёры ¹! Пожалуйста, начните отсюда, если пожелаете, или можете прочесть одну-две истории. Вам оно не навредит. Представить отобранные самим автором рассказы, опубликованные за шестьдесят лет,— такова была идея Пита; я имею в виду Пита Краутера, стоящего за издательством PS Publishing. Он не требовал от меня длинного вступления, но все же поведаю кое-что о подоплеке включенных в эту книгу произведений, которые, полагаю, доставят вам некоторое удовольствие; на самом деле, рискну предположить, они вам понравятся. Если не поспешите, узнаете кое-какие секреты, и потому умоляю не торопиться с вердиктом.

В детстве я был развит не по годам. Кажется, читать начал еще до того, как мне исполнилось два года,— не только стихи, напечатанные под каждой

¹ Понтёр — игрок, играющий против банкомёта. (Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.)

картинкой с приключениями медвежонка Руперта, но и абзацы, предназначенные для более искусного читателя,— и довольно скоро после этого перешел к Гансу Кристиану Андерсену и Джорджу Макдональду. Зрелость в чтении не гарантирует того же в собственном творчестве, в большей степени склонном демонстрировать жизненный опыт. Это, безусловно, заметно по моим ранним текстам и выдает возраст автора. Когда мне было пять лет, я помучил публику виршами «Вэг — мой пес» (Wag is my Dog), опубликованными в детском разделе «Эха Ливерпуля», а два года спустя запятнал репутацию несколькими главами неоконченного романа «Черные пальцы из космоса» (Black Fingers from Space). Оба этих прискорбных образчика словесности можно найти в сборнике «Вероятно, Рэмси Кэмпбелл» (Ramsey Campbell, Probably), также опубликованном издательством PS Publishing.

К одиннадцати годам я прочитал всю классическую литературу ужасов, которая тогда была в печати, а также много современных произведений. Думаю, я просто хотел воздать должное за удовольствие, доставленное некоторыми из них, и написать похожие истории — или вообразил, что такое мне по плечу. Результатом стали «Байки о призраках» (Ghostly Tales), моя первая законченная книга. Многие рассказы были состряпаны кое-как, собраны из фрагментов прочитанного, но самый длинный — «Брэдмур», написанный, когда мне было двенадцать,— обрел логичность благодаря подражанию конкретному прообразу. С содроганием признаюсь,

откуда растут ноги у этого текста: по сути, из творчества Денниса Уитли, хоть последний абзац в разделе IX и стянут из рассказа Эдриана Росса «Клыки» (By One, by Two, and by Three). Текст представлен здесь в том виде, в каком написан, с сохранением пунктуации, орфографии и своеобразия, за исключением того, что позднее я дописал еще одну фразу в финале, чтобы связать эту историю с той, которая расположена в сборнике далее. Фраза звучит так: «Мне так и не удалось сразить еще одного призрака, не считая того, который был из Тауэра, и про него вы узнаете, если продолжите чтение». По всей видимости, часто повторяемое словечко «нечто» не настолько ужасно, как «*нечто*», выделенное курсивом. Сдается мне, Дейзи Эшфорд никто не свергнет с пьедестала.

БРЭДМУР

I

Приезжай немедленно. Я в кошмарной западне. Фрэнк.

Вот и все. Семь слов. Я прочитал письмо за чашкой кофе. Я частный детектив-экстрасенс, и такой род деятельности, разумеется, вынуждает иметь дело с множеством чудаков, одним-двумя пациентами психиатрической лечебницы и немалым количеством любителей устраивать розыгрыши. Но

отправитель был моим близким другом; он не был связан ни с чем из перечисленного, кроме, может, последнего. Поэтому я все бросил и поехал как можно быстрее в загородный дом моего друга.

Пришлось спросить дорогу к его поместью, которое называлось Брэдмур. Единственным, к кому я смог обратиться, оказался старик, кутивший старую глиняную трубку; не из тех штуквин, которые способны вызвать неудержимый восторг. Исходивший из нее дым вынудил меня задуматься о том, какими методами фермеры избавляются от излишков свиного навоза. Наверняка трубка была набита чем-то в этом духе.

В общем, я спросил его, как добраться до Брэдмура, и он ответил:

— Брэдмур? Ох, тамошний хозяин тот еще грубиян. Не надо вам туда, сэр.— И он выпустил облако густого дыма.

Но я сказал, что Фрэнк — мой друг, и, пробормотав что-то вроде «не узнаете вы своего приятеля», выпустив облако дыма, который повис в воздухе и проник мне в глотку, он дал указания, в которых я кое-как разобрался.

Наконец-то показался дом. Он был частично скрыт из вида скоплениями деревьев, которые хаотичным образом росли вокруг, но на кованых воротах у начала подъездной дороги я прочитал надпись, наполовину уничтоженную временем: «Б...ЭД...УР».

Надо мной по лиловому небу неслись облака, словно танцоры в зловещем балете. Я направил свой

спортивный автомобиль на подъездную дорогу. Покинув его в конце пути, взошел на старое деревянное крыльцо и с грохотом постучался, воспользовавшись кованым дверным молотком.

С той стороны послышались неуверенные шаги. Затем дверь открылась. Я увидел мужчину с темными кругами под глазами и спросил:

— Мистер Барделл дома?

Это была фамилия моего друга. Тем вечером я впервые испытал потрясение, и по моей спине пробежали мурашки от ужаса.

Передо мной стоял Фрэнк Барделл собственной персоной.

II

Пламя в камине ревело, его раздувал ветер, завывающий в дымоходе. Дождь барабанил в окно, за которым деревья, точно зыбкие призраки, мотались туда-сюда под натиском бури. Мы с Фрэнком сидели по обе стороны от очага. Смутная тень ужаса, который я испытал при встрече с Фрэнком, не исчезла; напротив, ощущение усилилось, поскольку атмосфера в старом доме царил крайне зловещая и что-то подсказывало мне, оно во многом изгадила¹ из самого Фрэнка. Тем не менее я скрывал свои чувства изо всех сил и в конце концов спросил его:

— Эта... западня, о которой ты упомянул,— она сверхъестественная?

¹ Орфография оригинала сохранена.— *Прим. авт.*

Он посмотрел на огонь, как будто видел там нечто большее, чем пляску языков пламени. Потом обратил взгляд на меня и сказал:

— Я не знаю, что она собой представляет. Я лишь осознаю ее присутствие, и оно меня страшит.

— Ты что-то слышал? Видел? Чувствовал?

— Я уже несколько недель слышу, как что-то движется,— ответил он.— Сперва нечто с грохотом катилось по старой заброшенной лестнице... есть такая, ведет в подвал... но, когда я туда заглянул, оказалось, что на лестнице нет света, и мне не удалось ничего увидеть. Затем появились голоса. Я не разобрал ни единого слова, но точно знаю, что это были именно голоса... мужские и женские, и звучали они словно целая толпа.

— Понятно,— сказал я.— И что, по-твоему, я должен предпринять по этому поводу?

Поначалу он решил, что я шучу, и даже рассмеялся, а потом при виде моего серьезного лица проговорил, запинаясь:

— Т-ты же детектив-экстрасенс, верно?

— Да,— подтвердил я.— Но могу и отказать в предоставлении услуг. Ну, ты в курсе — «компания оставляет за собой право» и все такое прочее. И мне бы не хотелось вмешиваться в это дело. С другой стороны, я бы хотел у тебя переночевать, и когда начнется шум, пойду и выясню, в чем дело. Разумеется, если ты не против.

— Конечно, не против! — воскликнул он.— Я поэтому и написал! Постелю тебе в спальне рядом со своей.

— Кстати,— продолжил я,— уверен, что тебе больше нечего сказать? Вдруг есть какая-нибудь деталь, хоть отдаленно связанная с призраками в этом доме? Может, кто-то однажды поклялся, что после смерти не даст тебе покоя или что-то в таком духе?

— Нет, ничего подобного,— сказал он, а потом резко повернулся к окну. Дождь все еще стучал в стекло. Деревья по-прежнему изгибались и принимали странные формы, но Фрэнк Барделл увидел во тьме снаружи что-то еще.

Он вжался в спинку кресла, поперхнувшись от ужаса. Я подбежал к окну, однако увидел лишь причудливые очертания деревьев. Потом на миг мне показалось, что посреди угодий стоит мужчина; он был нагим, и было в нем что-то еще — я не смог понять, что именно. Затем я повернулся к Фрэнку, а когда вновь выглянул наружу, незнакомец исчез.

III

Окно в спальне дребезжало от воющего ветра. Я лежал в постели без сна и прислушивался к... любым звукам, будь то шаги или голоса. Но до моих ушей долетали только звуки ветра и дождя.

— Что-нибудь слышал? — голос Фрэнка звучал за дверью, соединяющей комнаты.

— Нет, пока ничего,— отозвался я.

— Я тоже.

Откуда-то снаружи донеслось уханье совы. Окно задребезжало, а потом... а потом где-то внизу

хлопнула дверь. Вскочив с кровати, я заколебался на мгновение, прежде чем схватить свой заряженный серебряными пулями пистолет и крикнуть Фрэнку:

— Скорее! Оно здесь!

Затем я бросился на лестничную площадку.

На лестнице царил кромешная тьма, так что пришлось одной рукой держаться за перила, пока другой я достал фонарик, теряя драгоценные минуты. Но я бежал так быстро, как только мог, и луч фонарика трепетал во тьме. Фрэнк следовал за мной по пятам.

Теперь я отчетливо слышал голоса и шаги. Мы ворвались на кухню, ибо именно туда и вела заброшенная лестница.

Лестничный проем уставился на нас, как пустая глазница черепа. Я посветил фонариком, но лестница была винтовая, и увидеть удалось лишь стену. И я начал спускаться. Фрэнк по-прежнему шел за мной.

Голоса смолкли, за исключением одного, пронзительного. Мы спускались все ниже, а этот голос продолжал вопить. Мы побежали все быстрее и быстрее... Затем ступеньки внезапно оборвались. Не было ничего, кроме десятифутовой ямы.

Я полетел вперед, в пустоту. Успел оглянуться и понял, что Фрэнк тоже не смог вовремя остановиться. Затем я ударился обо что-то твердое, и стало темно...

IV

Придя в себя, я обнаружил, что мои руки и ноги прикованы к полу. Повернув голову, увидел Фрэнка

в таком же бедственном положении. Он тоже был в сознании.

— Это подвал? — спросил я.

— Я ничего не понимаю,— ответил мой друг, явно растерянный.— Это не тот подвал, который я увидел, когда спустился. Ради всего святого, где мы?

Тут я вспомнил, что хотел задать ему один вопрос.

— Что ты увидел в саду минувшим вечером и почему оно тебя так сильно испугало? Я видел обнаженного мужчину.

— Я тоже,— ответил он,— но это еще не все... Слушай, судя по всему, мы здесь застряли надолго — не возражаешь, если я помучаю тебя одной историей?

— Вовсе нет,— сказал я.— Валяй, мучай.

— Итак, это случилось на первом курсе колледжа,— начал он.— Я, знаешь ли, учился в Кембридже. Однажды я оказался без гроша в кармане, но при этом мне требовались десять фунтов, чтобы срочно рассчитаться с кредитором. Я бродил по колледжу и в конце концов встретил студента, который назвался де Виллем. Он заявил, что готов дать мне десять фунтов в обмен на кое-что. Разумеется, я спросил: «Чего ты хочешь?» — и он, достав клочок бумаги и ручку, что-то на этом клочке написал. А потом вручил мне со словами: «Распишись вот здесь». Все выглядело довольно просто: лишь семь слов, но, господи, какой ужасный смысл в них заключался. Там было написано: «Я продаю свою душу за десять фунтов». Я посмотрел на листок, затем на де Вилля. Перечитал написанное еще раз, заглянул на другую сторону,

убеждаясь, что ничего не пропустил. Я чувствовал на себе взгляд де Вилля... у него, знаешь ли, глаза были черные как уголь... Потом он сказал: «Ну что? Подпишешь?» Я снова взглянул на него и на две пятифунтовые банкноты, которые он держал в руке наготове, затем взял листок и ручку, подписал и отдал ему в обмен на деньги. Я думал, что на этом все закончилось. Но теперь уже не уверен. Тот мужчина, которого мы оба видели в саду,— де Вилль! У меня ужасное предчувствие по поводу всего этого.

Наверное, я побледнел; я самому себе казался похожим на призрака. Я понял, почему испытал смутное ощущение жути, когда увидел друга, и еще я осознал, где источник зла, которое от него изгадило¹. Все дело в том, что у Фрэнка Барделла не было души!

V

— Неужели нет никакого способа вернуть мою душу? — в ужасе крикнул он.

— Есть два,— сказал я.— Ты можешь исповедоваться священнику римско-католической церкви, потом каким-то образом добыть ту бумагу, которую подписал, и сжечь в присутствии того же самого святого отца.

Предложенный вариант ему не понравился, поэтому я рассказал об альтернативе.

¹ Какая красота, опять та же самая ошибка.— *Прим. авт.*

— Ты должен взять определенную сумму денег... в твоём случае — десять фунтов... и, сидя с ними в пентаграмме, снова и снова повторять: «Я выкупаю свою душу за десять фунтов». — Потом я мрачно добавил: — Разумеется, если мы отсюда однажды выберемся.

— Взгляни-ка! — воскликнул он, нащупав что-то в кармане. — Напильник! Я собирался отпилить замок на двери кладовки, потому что его заклинило, но мне и в голову не пришло, что эта штука окажется кстати!

Фрэнк наклонился и начал яростно пилить.

Вскоре он освободил и себя, и меня. Мы направились к лестнице, как вдруг перед нами выросла стена пламени. Но я сказал Фрэнку: «Быстрее! За мной!» — и побежал прямо в огонь, повторяя «Отче наш» так громко, как только мог.

Пламя зашипело и погасло. Но вместо него на полу, менее чем в футе от меня, обнаружилась громадная жаба. Я называю это создание жабой, потому что именно на таковую оно походило сильнее прочего, хотя на самом деле не принадлежало ни к одному из видов живых существ, о каких знает мир. Создание провело языком по губам, если это были губы, и уставилось на нас с Фрэнком немигающими глазами, лишенными век. У него была покрытая слизью шкура, которая местами разложилась, обнажая влажную красную плоть. В жизни не видел ничего более мерзкого и непристойного, чем эта Тварь.

Чтобы добраться до лестницы, нам пришлось пройти мимо Твари. Гадая, неуживима ли она, я

выстрелил из пистолета, заряженного серебряными пулями. Пуля угодила в цель с негромким хлопком. Но Тварь лишь бросила на нее взгляд, лениво выковыряла передней лапой, плюнула и швырнула обратно в меня.

Затем она рассмеялась... резкий, скрежешущий смех пробудил эхо в просторном помещении.

Отзвуки «Отче наш» также звучали, когда я подошел к Твари с протянутыми руками. Когда мои руки почти коснулись ее морды, она завопила в ужасе и исчезла. Мы продолжили идти к лестнице, как вдруг раздался тихий, приятный и настойчивый голос.

— Тебе нужен тот документ? Он у меня, подойди и забери.

— Не смотри, Фрэнк! — выпалил я. — Он заманивает тебя в ловушку! Не смотри ему в глаза!

Но было уже слишком поздно; Фрэнк шел к де Виллю — обнаженному мужчине, которого я видел на территории Брэдмура, и еще я понял, что с ним было не так — он не отбрасывал тени.

Есть слово, которое побеждает любое зло; оно известно немногим, но, к счастью, я из их числа. Среди немалого количества экстрасенсов с причинами, какие мне встречались по долгу службы, был один магистр Храма; фактически, Ипсимусс¹. Он строго по секрету поведал мне это Слово на случай,

¹ Как и многое другое в рассказе, я позаимствовал это у Денниса Уитли, но верное написание слова — Ипсиссимус.—
Прим. авт.

если я столкнусь с чем-то воистину злым. В нем пять слогов, и оно изверглось потоком из моих уст. Я не вправе его разглашать.

Синий свет, недолго померцав вокруг моих пальцев, ринулся в сторону де Вилля. Узрев его, тот издал сдавленный крик и исчез.

Фрэнк, вздрогнув, вышел из ступора, и мы побежали к лестнице. Преодолев всего пару десятков ступеней, оказались в подвале. Теперь-то мы поняли, почему Фрэнк не знал о существовании этого места под своим домом.

Тут Фрэнк встревоженно прошептал:

— Прислушайся!

Но ему не нужно было меня предупреждать, я и так все слышал не хуже него. До нас донесся звук: как будто вверх по лестнице волокли мокрую тряпку, а потом кто-то мерзко захихикал. Я увидел на ступеньках нечто темное: оно быстро поднималось, оставляя за собой зеленый слизистый след. Тварь была похожа на гниющую жабу — возможно, ту самую, которую я попытался изгнать. Я произнес Слово, и существо исчезло в огненной вспышке. Осталась только лужа зеленой слизи.

Больше нас никто не преследовал, и в доме воцарилась тишина. Мы заперли за собой все двери и легли спать.

VI

На следующее утро я отправился в деревню купить немного мела, проигнорировав стенания Фрэнка о